

Детектив-драма
За закрытыми дверями

Тимур Темников

БЕЛАЯ
ПЫЛЬ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т32

Темников, Тимур Александрович.
Т32 Белая пыль / Тимур Темников. — Москва : Эксмо,
2023. — 320 с. — (Детектив-драма. За закрытыми
дверями).

ISBN 978-5-04-172919-6

Семён Варский по прозвищу Самсон, организатор благотворительной организации «Добро и Свет», был застрелен в одном из уральских городков. Убийцу не нашли.

Вдова Самсона Настя внезапно заболела диссоциативным расстройством, утратила способность отвечать за свои поступки и начисто забыла многие из них. Чтобы не усугубить и без того непростую ситуацию, Настя обращается к частным детективам с просьбой скрытно собирать сведения... о ней самой: что она делает, с кем встречается, кто за ней следит. Сыщики приступили к работе, и вскоре всплыл шокирующий факт: под прикрытием безобидного названия «Добро и Свет» в стране орудовала жестокая криминальная сеть.

Значит, Самсон — преступник, мафиози?

Сыщики еще не представляют, что их ждет. За Настей следят не только криминальные типы, но и странные люди из федеральной спецслужбы. Все они ищут какое-то секретное досье Самсона.

Вокруг — маски, игра, смертельно опасное представление, а поступки игроков не всегда поддаются объяснению. Но Насте предстоит узнать еще более жуткую тайну.

В которую невозможно поверить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172919-6

© Темников Т.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

От автора

Названия всех спецслужб в романе случайны. Все совпадения их участия в развитии сюжета вымышлены. Сюжет лишь частично основан на реальных событиях.

Глава 1

— **И**так, мы все собрались здесь, чтобы прикоснуться к себе. Не отвлекаться на жизнь. На заботы. На мысли и чувства. На ненависть к врагам и на любовь к родным. И все для того, чтобы понять истинную суть настоящего «Я» в иллюзорной реальности окружающего мира. Мы собираемся так четыре раза в сутки, потому что за сутки Земля четырежды подставляет свои стороны Солнцу. Позволяет обогреть всех на ней живущих. Осветить. Равномерно. Не обделяя никого и никому не давая больше, чем другим. Мы — дети этого Света. Когда настанет час, мы вольемся в этот Свет. Пронесемся через бесконечность пространства. Вместим в себя время. Станем вечностью. Выйдем за пределы слов и определений.

Семен, он же по некоторым документам Самуил, ходил по сцене площадки, которую построили за вчерашний день прямо в поле, в пригороде маленького провинциального города под названием Лысьва, что расположен в трехстах километрах от Перми на Западном Урале.

«Чертов интернет, — думал Семен. — Сейчас про кванты и волны, черные дыры и гравитацию

знает каждый травокур, сидящий на Яндекс.Дзене — русскоязычной части Всемирной паутины. Теперь мудростью древних религий мало кого убедишь. Каждый детсадовец разбирается в кварках». Семен уже не знал, как еще можно скомпоновать наборы слов, чтобы они производили впечатление на слушателей, толпы которых уменьшались с каждым годом. А теперь, по его мнению, превратились в кучку последователей, приезжавших на собрания больше покуролесить в снятом на неделю общежитии, чем проникнуться сутью самопознания.

Еще десять лет назад Семен собирал стадионы. А теперь жалкая сцена под палящим солнцем. Конечно, неплохо, что есть дом в Доминикане и парочка апартаментов там же, на побережье, да квартира в Москве. Какой-никакой, а доход. Для пенсии очень даже ничего. Но хотелось бы быть более уверенным в том, что старость будет безбедной. А с таким количеством «прихожан» и получаемых крох от их ежегодных доходов будущее представлялось унылым и безынтересным. Лежать под пальмой и есть банан. Это он мог себе позволить еще в юности, когда мама сказала ему наконец, что была не права и теперь Сема не должен бояться того, что он еврей. А шестью месяцами позже привезла его в Израиль.

Для тринадцатилетнего подростка такое стечение обстоятельств оказалось не то чтобы совсем неожиданным, а как бы абсолютно незапланированным. Мальчик Сема учился в советской школе. Он был влюблен в соседку по парте — девочку по имени Оля. У нее были пшеничного цвета волосы, пре-

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

зрительный взгляд и буква «г», выговариваемая ею с придыханием, как ее выговаривают в восточных регионах Украинской Советской Республики. Сеня носил пионерский галстук и считал: космополитизм — это плохо. Не совсем понимал, что это такое, но слышал от пионервожатых в летнем лагере, что точно — ничего хорошего. Тогда же вдруг пришлось кардинальным образом пересмотреть свои взгляды на жизнь. Ведь так сказала мама. А мама — это святое.

Именно в Израиле юный Семен в первый раз сменил имя на Самуил. Сразу вне конкурса был определен в кадетский корпус. Проходил только беседу с психологом на русском языке. Почему так легко? Во-первых, потому, что репатриант. Во-вторых, из неполной семьи — значит, претендует на полное государственное обеспечение, чтобы не создавать экономических проблем матери, ибо государство заботится о каждом. В-третьих, почему бы не так и не туда?

Сверстников Самуил любил несильно, особенно первый год, пока вникал в тонкости иврита. На второй год, когда распознал смысл гортанных оскорблений, направленных в свою спину по разным поводам, решил вопрос быстро. Дал по носу самому большому и противному товарищу в казарме. Тот расплакался от обиды и пообещал нажаловаться офицеру-воспитателю. Но очень быстро передумал вести себя так не по-мужски, сразу после короткого и быстрого удара в область печени. Дальше товарищ был подвергнут осмеянию со стороны еще вчера любивших его сверстников. А корона негласного

лидера военизированного общежития для подростков была передана Семену-Самуилу, со всеми вытекающими виртуальными почестями и щербатыми улыбками раболепия.

Тогда же он получил кличку Самсон, потому что все поняли — он человек сильный и уважаемый, а значит, и погоняло должно вмещать удалую мощь замаха. Юноша не возражал, даже больше — гордился. Потом служил на флоте. Как узнали его кличку — до сих пор загадка. Но имя Самсон, его третье по счету, закрепилось за ним потом во многих документах, удостоверяющих личность в разных странах, куда ступила его нога. Еще его так называли самые близкие люди. И так он предпочитал называть себя сам.

После армии Самсон вернулся к матери и спросил:

— Мама, я правильно помню, что ты хотела в Америку, или я опять все напутал?

Мама улыбнулась, кивнула и потрепала его ладонью по щеке. А сын сказал, что нашел невесту и намерен жениться. Невеста, между прочим, гражданка США. В общем, через пять лет мама тоже приехала в Штаты. Самсон к тому времени уже развелся. Но, несмотря ни на что, маленького внука от гражданки США и бывшей жены своего сына бабушка любила трепетно. С бывшей невесткой, кстати, тоже поддерживала хорошие отношения.

В Америке Сема прошвырнулся по друзьям и знакомым. Показал свое радушие и крупное телосложение. И опять почти вне конкурса был принят вышибалой в один из местных клубов. Вел себя всегда

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

спокойно, но бил тяжело. Оттого его уважали и быстро продвинули по карьерной лестнице до управляющего в одном из клубов Майами.

Все это Самсон вспоминал, когда бродил по сцене и, не веря самому себе, произносил слова, услышанные много лет назад по телевизору от далай-ламы, когда лежал в придорожном отеле и слушал шум падающей воды из душа, где мылась проститутка, подобранная за пятьдесят долларов на трассе в городке Киссимми, что находился в районе Диснейленда.

«Боже, как все было хорошо раньше», — думал Семен, стараясь держать микрофон ближе ко рту. В последнее время его голос ослабел. Наверное, возраст подкрался к точке невозврата.

— И нет теперь людей свободнее, чем мы. Ближе к сути, чем мы. Ближе, чем мы, к обнаженной реальности бытия. Потому что мы и есть — сама жизнь. Жизнь, которую мы проносим сквозь бесконечность. Творим ее. Созидаем. Разрушая все, что мешает ей. Что служит ей препятствием.

Дальше по плану обычно шли откровения от братьев и сестер. Потом восхваления поступков и принятие безгреховности. Затем поездка обратно в снятое общежитие. В нем, в зале для конференций, проводилась общая динамическая медитация с целью познания откровений духа и тела. Откровения поддерживались наготой прихожан и ознакомлением их не только с духом, но и материальными формами друг друга. А потом Самуил уезжал. Потому что устал от дальнейшего привычного развития событий.

Он приезжал в свой номер отеля, откуда мог через интернет поговорить часа два с любимой женой Настей, которая была моложе его на четверть века, и дочкой Нежей пяти лет от роду. Самсон сам ей дал такое имя. Настоял, хотя жена и возражала. Выстоял в ответах на ее вопросы. Символично отстоял для дочери новую жизнь, полную святости и целомудрия, скрывающихся в имени. Эти качества он стал ценить с возрастом все больше, но никогда бы уже не смог побывать ни в том, ни в другом качестве, по «Закону первого шага». Самсон сам вывел такой закон, сам начертал каждую букву каждого слова своей кровью, своим потом, а затем кровью и потом других. Закон этот говорил, что, переступив границу от добра к злу хотя бы единожды и пусть даже на полдыхания, человек никогда уже не останется верен доброму, ибо познает его несовершенство.

В свое время Семен сделал парадоксальный вывод из своего же умозаключения. Он решил, что границы между плохим и хорошим нужно стереть, размыть, сделать переход плавным. Нет, не затынутым, просто красивым, в пастельных тонах. Никто не заметит трудности перехода, но все полюбуются красотой состояния. Не нужно отпускать людям грехи за деньги, после того как они их, эти грехи, совершили. Нужно освободить их от грехов заранее, тогда люди станут счастливыми и благодарными. Пожизненно. Особенно если заполнить на них компромат. Ведь уголовный кодекс, акт гражданского законодательства и общественное мнение имеют еще какое-то влияние в этом мире, несмотря на величие вселенского разума, которому что чер-

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

ное, что белое — всего лишь длина волны в электромагнитном поле.

Поднявшись на лифте на верхний этаж здания, где находилась единственная на всей площадке квартира, арендованная специально для мэтра, лучшая в этом богом забытом городе, Семен прошагал к широкой металлической двери, похожей на банковскую дверь в комнату депозитарных ячеек — толстую, мощную, бронированную. Достал ключ, но вставить его в замочную скважину не успел.

Кто-то уже стоял на лестничной площадке и ждал, когда Семен появится. Потом направил дуло пистолета крупного калибра и с глушителем аккуратно в затылок с длинными прилизанными седыми волосами. Выстрелил, и грузное тело проповедника упало на пол, освободившись от половины черепной коробки и содержимого головы, которое разлетелось брызгами по стенам и местами повисло на потолке розовыми кусочками, похожими на попкорн в варенье из малины.

Пистолет был аккуратно уложен на бетонный пол. Убийца нажал на кнопку звонка. Неспешно развернулся и спустился вниз по лестнице. Спокойно и уверенно.

...Жена Настя узнала об убийстве мужа через два часа. Во всех подробностях, которые изложил ей его помощник Иван. Она понимала, с кем жила. Когда раздался ночной звонок и голос Ивана, друга и правой руки ее Самсона, попросил ее мужаться, Настя сразу поняла, в чем дело. Коснулась пальцами золотого магеновида на шее, который не снимала, даже ложась в постель. Она не плакала,

ее лицо отражало внутреннюю сосредоточенность и напряжение.

Дорога в аэропорт. Полет. Формальности.

Через четыре часа Настя была в Перми. На улице Фонтанной, где в краевом судебном морге в ожидании опознания находилось тело ее мужа. Там, где должна находиться голова, лежала плотная, пропитанная кровью белая ткань. Настя увидела татуировку в виде знака бесконечности на левом плече. В окружностях петли Мебиуса были буквы «S», что означало «Samson», и «A» — первая буква ее полного имени.

Самсон и Настя набили одинаковые татуировки еще до замужества. В Израиле, куда уехали тринадцать лет назад, когда Настя помогла будущему мужу сбежать из панамской тюрьмы. Там же, в Израиле, она прошла гиюр и приняла иудаизм. Для Самсона это было важно. Мама в Америке хотела в невестки только еврейку.

Причина смерти была очевидна. Труп отдали на следующий день после проведения судебно-медицинской экспертизы. Мама покойного почил в бозе несколько лет назад. После ее похорон Самсон задумался о своих. Он не был набожным евреем. Относил себя к сочувствующим. Потому решил презреть некоторые религиозные запреты и попросил жену кремировать его, если что. Не хотел доставлять Насте много хлопот: заморачивать выбором гроба, поиском места на кладбище, организацией всего действия, связанного с похоронами. Самсон был эклектиком в плане религиозных установок, прочитав однажды в Новом Завете фразу

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

«Пусть мертвые хоронят своих мертвецов», решил, что должно быть так.

Но повозиться все равно пришлось. В неформальной столице Западного Урала не было своего крематория. Потому покойных из Перми, пожелавших стать пеплом после избавления от бремени бытия, предавали огню в двух близлежащих городах: Нижнем Тагиле и Екатеринбурге. Учитывая особенности рода деятельности Самсона, его помощник Иван приложил все усилия, чтобы информация о смерти друга и наставника не просочилась к прихожанам раньше времени. Но всесильная четвертая власть пронырлива, дотошна и падка на горячее. Как ни старались Настя с Иваном скрыть факт ухода из жизни основателя и бессменного лидера общества «Добро и Свет», они не избежали толпы последователей, узнавших новость из желтой прессы. Полтора человека со всей страны пришли проститься с духовным наставником на Зоологическую улицу к мрачному зданию похоронных услуг, в котором, собственно, и происходило прощание с жертвой ужасно кровавого, но в то же время быстрого и безболезненного убийства.

Люди пришли мирно. Почему-то только мужчины. Все стояли в зале прощаний, потупив взгляд. Ни один не проронил и слова. После того как гроб с телом уехал в печь, люди развернулись и так же молча направились к выходу.

Настя и Иван прошли в комнату ожидания. Им обещали выдать прах через два с половиной часа. Хотя на сжигание даже тела большого объема уходило не больше двух часов, обычно прах выдавали